

УДК 811.161.1:821.161.1

Н. Г. Бабенко, М. И. Ушалова

**ДЕВЕРБАТИВЫ СТРАДАНИЕ И СОСТРАДАНИЕ
В КЛАССИЧЕСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ:
ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Девербативы рассматриваются в функционально-семантическом аспекте на материале произведений Ф. Достоевского и Л. Улицкой. Делается вывод о смыслообразующих возможностях имен действия.

104

Deverbatives are considered from the functional and semantic perspective on the basis of works of F. Dostoyevsky and L. Ulitskaya. The authors arrive at a conclusion about the meanin-creating features of nouns of action.

Ключевые слова: девербативы, лексическая деривация, синтаксическая деривация, язык художественной литературы.

Key words: deverbatives, lexical derivation, syntactical derivation, language of fiction.

Страдание – святая благодать.
В. А. Жуковский

Девербативы (отглагольные существительные) *страдание* и *сострадание* образованы по обладающей высокой продуктивностью в русском языке модели *основа глагола + частеречный суффикс имени существительного -ниѝ со значением опредмеченного процесса*. Подобные имена действия (а точнее, имена дящегося состояния/действия) получили в современном языкознании неоднозначную, а то и противоречивую характеристику по следующим параметрам:

- 1) квалификация девербатива как продукта лексической или синтаксической деривации;
- 2) наличие/отсутствие у отглагольных существительных наряду с именными признаками (родом, падежом, числом) морфологических признаков глагола (вида, времени, залога).

Согласно господствующей сегодня точке зрения, девербатив – синтаксический дериват, что предполагает лексическое тождество и грамматическое (частеречное) различие мотивирующего глагола и мотивированного им существительного. Из приведенного тезиса логично вытекают два следующих: во-первых, в таком случае сам процесс образования отглагольного существительного следует признать формообразовательным, а не словообразовательным, а мотивированный дериват – формой исходного глагола (так, В.Г. Руделев говорит о девербативах как о «субстантивных формах глагола» [5]); во-вторых, необходимо отказать от лексикографической практики самостоятельного представления слов типа *nomen actionis* (например, *существование, пение, бег*) и *nomen agentis* (например, *учитель, воспитатель, просветитель*) в толко-

вых словарях¹. Между тем в большинстве современных учебных, научных специализированных изданий и в толковых словарях отражается традиционная практика репрезентации анализируемого языкового материала как слов (не форм!), мотивированных глаголом и нашедших лексическое толкование в отдельных, «личных» словарных статьях.

Нет согласия и в вопросе о способности/неспособности девербативов реализовывать грамматические значения вида, времени и залога: одни говорят о том, что глагольные характеристики в отглагольных существительных полностью элиминированы вследствие «консервации значения» [4, с. 121] базового глагола, другие считают, что морфологические признаки глагола продолжают жить в девербативе, но имплицитно.

Объектом нашего рассмотрения стали текстообразующие и смыслопорождающие возможности девербативов *страдание* и *сострадание* в классической и современной русской литературе на материале романов Ф.М. Достоевского «Идиот» [1], «Преступление и наказание» [2] и разножанровых произведений Л.Е. Улицкой [6–9].

Культ страдания, свойственный русской классической литературе, во всей своей сложности выражен в творчестве Ф.М. Достоевского. Не претендуя на полноту анализа девербативов *страдание* и *сострадание* в произведениях классика, сосредоточимся на рассмотрении роли названных имен состояния/действия в тексто- и смыслообразовании.

1. «Страдание — великая вещь. В страдании есть идея» — это высказывание Порфирия Петровича (роман «Преступление и наказание») со всей очевидностью демонстрирует предпочтительность девербатива *страдание* в сравнении с исходным глаголом *страдать* в контекстной ситуации, требующей репрезентации **идеи**, а значит, и степени абстрагирования, доступной существительному в большей степени, нежели глаголу.

2. Во фрагментах текста, посвященных морально-психологической характеристике Настасьи Филипповны и Рогожина, сведены слова, функционирующие в качестве лексических доминант романа «Идиот», тесное (контактное) взаимодействие которых формирует и эксплицирует концептуально значимые мысли о соотношении и взаимообусловленности *страсти* и *страдания*, *любви* и *сострадания*, *сострадания* и *жалости*, *страсти* (этимон соответствующего гнезда) — *страдания* — *души* — *сердца* — *сострадания*:

Фрагмент (1)²: Особенно приметна была в этом лице его мертвая бледность, придававшая всей физиономии молодого человека изможденный вид, несмотря на довольно крепкое сложение, и вместе с тем что-то **страстное**, до **страдания**, не гармонизировавшее с нахальной и грубой улыбкой и с резким, самодовольным его взглядом [1, с. 8].

Фрагмент (2): Разве не способен к свету Рогожин? Он говорит, что **любит** ее не так, что в нем нет **сострадания**, не «никакой такой **жалости**». Правда, он прибавил потом, что «твоя жалость, может быть, еще

¹ Сказанное касается не только девербативов, но и других производных, признаваемых синтаксическими дериватами: относительных прилагательных, качественных наречий.

² Текстовые выделения в цитатах сделаны авторами статьи.

пуще моей **любви**», — но он на себя клеветает. <...> И разве одну только **страстность** внушает ее лицо? Да и может ли даже это лицо внушать теперь **страсть**? Оно внушает **страдание**, оно захватывает всю **душу**... Нет, Рогожин на себя клеветает; у него огромное **сердце**, которое может и **страдать** и **сострадать** [1, с. 251].

Статус ключевых слов у существительных *страдание* и *сострадание* подтверждается и чрезвычайно высокой частотой их употребления в лексической структуре романа.

3. В романе «Преступление и наказание» страдание типологизируется:

Я не тебе поклонился, я всему **страданию** человеческому поклонился [2, с. 539], — говорит Раскольников Соне;

Страдание принять и искупить себя, вот что надо [2, с. 638], — восклицает Соня;

Какое-то ненасытимое **сострадание**, если можно так выразиться, изобразилось вдруг во все черты лица ее [2, с. 535].

В приведенных фразах репрезентируются, по классификации С. М. Климовой [3], «головное», умственное страдание, терзающее Раскольникова, и Сонино «живое», телесное страдание, слитное с действенным, а не созерцательным состраданием. Именно и только отказ от головного страдания в пользу страдания телесного приводит Родиона к христианской любви.

Как показывает анализ произведений Улицкой, большая часть примеров употребления девербатива *страдание* доказывает, во-первых, отсутствие у этого языкового средства статуса ключевого слова (имя состояния/действия выступает в роли «рядового» эмотива, чаще всего — при описании физических недугов персонажей); во-вторых, неиспользование автором применяемого Достоевским лингвопоэтического приема конвергенции лексических средств — сведения в смысловой «пучок» концептуально нагруженных слов; в-третьих, некоторое «измельчание» поводов к страданию и, соответственно, референта имени — самого страдания. Проиллюстрируем третий из наших выводов несколькими примерами:

Вечером Мамахен плохо себя чувствовала, лежала в своей комнате и страдала от громкой нехорошей музыки, доносившейся от внуков... [9, с. 75];

Взрослый сын подчеркивал ее возраст, и молодящаяся Эва Казимировна страдала [8, с. 14];

...И она страдала, что на других не похожа, а в особенности страдала от размера своей обуви... [7, с. 356].

Таким образом, в произведениях Улицкой девербатив *страдание* функционирует в контекстах тематически и стилистически сниженных, что может быть обусловлено «синдромом привыкания к страданию» (Э. Фромм), свойственным сегодня российскому социуму.

Употребление Улицкой девербатива *сострадание* больше отвечает классической традиции. При этом существительное *сострадание* работает в контексте его истолкования через синонимы или дескрипцию, например:

Вот именно этого хотелось: испытывать друг к другу **сострадание**, **сочувствие**, бескорыстную **любовь** [6, с. 18];

...Они с Таней — вдвоем, в полном единении **сочувствия и сострадания** [8, с. 334];

Он был одарен такой душевной отзывчивостью, такой безразмерной, совершенно эластичной способностью к **состраданию**, что все прочие его качества оказывались в подчинении этой «**всемирной жалости**» [6, с. 418].

Итак, сопоставительный анализ функционирования девербативов *страдание* и *сострадание* в языке художественной литературы позволяет говорить о предельной актуализации названных лексем в языке романов Ф.М. Достоевского и об их периферийности в лексической системе произведений Л. Е. Улицкой.

Список литературы

107

1. Достоевский Ф.М. Идиот // Достоевский Ф.М. Избр. соч. : в 2 т. Л., 1962. Т. 1.
2. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Там же. Т. 2.
3. Климова С.М. Страдание у Достоевского: сознание и жизнь // Вестник РГГУ. 2008. №7. С. 186–197.
4. Мирошникова З.А. Проблемы семантики и функционирования имен действия в системе языка. М., 2003.
5. Руделев В.Г. Существительное в русском языке: учеб. пособие. Тамбов, 1979.
6. Улицкая Л. Зеленый шатер. М., 2011.
7. Улицкая Л. Искренне ваш Шурик. М., 2006.
8. Улицкая Л. Казус Кукоцкого. М., 2001.
9. Улицкая Л. Том // Улицкая Л. Люди нашего царя. М., 2006. С. 70–78.

Об авторах

Наталья Григорьевна Бабенко – д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.
E-mail: banagr@rambler.ru

Марина Иосифовна Ушалова – асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.
E-mail: ponka198888@mail.ru

About authors

Prof. Natalia Babenko, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.
E-mail: banagr@rambler.ru

Marina Ushalova, PhD student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.
E-mail: ponka198888@mail.ru